

Владимир Соловьев

Мицкевич.

Речь на обеде в память Мицкевича 27 декабря 1898 г.

Сохранено деление на страницы, номер страницы издания проставлен в конце каждой страницы. Курсив в книге заменен на выделение двумя подчеркиваниями. Ссылки на комментарии заключены в {фигурные скобки}.

В польских текстах ' перед буквами с, s, o означает соответствующие буквы с апострофом над ними, пред буквой l - l перечеркнутую, перед а и е, соответствующие носовые гласные (а и е со значком под этими буквами).

Он вдохновлен был свыше

И с высоты взирал на жизнь.

(Пушкин) {1}

Смотреть на жизнь с высоты совсем не то же, что смотреть на нее свысока.

Для последнего нужно только иметь заранее высокое мнение о своей личной значительности при действительном отсутствии некоторых нравственных качеств. Но, чтобы смотреть на жизнь с высоты, нужно этой высоты достигнуть, а для этого мало взобраться на ходули или даже влезть на свою приходскую колокольню. Вот почему при таком множестве людей, смотрящих на нее свысока, нашелся в целое столетие между великими только один, про которого можно было, не изменяя истине, сказать, что он не взглянул только в минуту поэтического вдохновения, а всегда взирал на жизнь с высоты. Славный праздник братского народа {2} имеет - то есть может иметь, мог бы получить - особое значение для нас и независимо от русско-польских отношений, если бы воскресший образ великого человека, еще к нам близкого, еще не отошедшего в тьму веков, помог восстановить в нашем сознании, очевидно, потерянную мерку человеческого величия, напомнить нам те внутренние условия, которые делают не великого только писателя или поэта, мыслителя или политика, а великого человека или сверхчеловека в разумном смысле этого злоупотребляемого слова. Ни самые высокие притязания на свою личную сверхчеловечность, ни самые великие способности к какому-нибудь особому деланию, ни самое успешное решение какой-нибудь единичной исторической задачи не могут существенно и действительно поднять нас над общим уровнем и дать то, что

205

дает только целость нравственного характера и жизненный подвиг.

Он "с высоты взирал на жизнь". Когда Пушкин от немногих бесед с ним получил такое о нем впечатление, Мицкевич стоял только на первой ступени этой высоты, сделал первый духовный свой подъем.

Каким образом живущий может смотреть на жизнь с высоты, если эта высота не будет им добыта как правда самой жизни? И каким образом добыть эту высшую правду, если не оторваться от низших, недостаточных, неоправданных явлений жизни? И если высота жизненного взгляда должна быть действительно добытой, а не придуманной, то и разрыв с низшим должен быть на деле пережит и мучительно испытан. Ребенок, рождающийся на вольный свет божий, один раз порывает органическую связь с темнотою и теснотою утробной жизни, но, чтобы стать окончательно на ту высоту, откуда видна вся, целая правда жизни, чтобы освободиться от всякой утробной темноты и тесноты, нужно пережить не один, а целых три жизненных разрыва, три внутренние катастрофы.

И прежде всего нужно разорвать с основною и самую крепкою связью, которая тянет нас к личному счастью в его главном средоточии - половой любви, когда кажется, что вся правда и все благо жизни воплотилось для нас в женщине, в этой единственной женщине, когда мы с искренним убеждением готовы повторять слова поэта:

Только в мире и есть, что тенистый

Дремлющих кленов шатер,

Только в мире и есть, что лучистый

Детски задумчивый взор {3}.

В этой сосредоточенности любовного ощущения есть великая правда, истинное предчувствие того, что должно быть, безусловного значения полной человеческой личности. Но великая неправда здесь в том, что предчувствие принимается за исполнение, и вместо открывшейся огромной задачи предполагается готовое и даровое благополучие. Между тем, чтобы экзальтация чувства не оказалась пустым обманом, нужно во всяком случае порвать с

темнотою и теснотою всепоглощающей стихийной страсти и понять умом и сердцем, что правда и благо жизни не могут зависеть от случайностей личного счастья. Этот первый и глубочайший жизненный разрыв есть, конечно, и самый мучительный, и много прекрасных и благородных душ его не выносят. И Мицкевич чуть не кончил, как гетевский Вертер. Когда

206

н одолел слепую страсть, глубоко испытанная душевная сила подняла его, еще юношу, чтобы смотреть на жизнь с этой первой, смертельною борьбою достигнутой, высоты.

Таким узнал его Пушкин, когда сказал о нем свое проницательное и прорицательное слово*, потому прорицательное, что скоро Мицкевичу пришлось пережить второй, а потом и третий нравственный разрыв, и войти на новые высоты жизненного взгляда.

Про любовь к народу или к отчизне должно сказать то же, что и про любовь к женщине. Здесь и в самой исключительности чувства есть предварение великой правды, что и народность, так же как личность человеческая, имеет вечное и безусловное назначение, должна стать одною из непреходящих, самоценных и незаменимых форм для совершенной полноты жизненного содержания. Но чтобы предварение высшей правды не превратилось в пустую, лживую и пагубную претензию, нужно, чтобы изъяснительное наклонение простого патриотического чувства: "я люблю родину" переходило в повелительное наклонение патриотического долга: "помогай родине в сознании и исполнении ее высшей задачи". Патриотизм, как и всякое чувство, растет, конечно, не из головы, а коренится глубже; он имеет свои утробные корни, которые остаются и еще крепнут от внешнего разрыва:

Litwo! Ojczyzno moja, ty jeste's jak zdrowie!
Ile ci'e trzeba ceni'c, ten tylko si'e dowie,
Kto ci'e straci'l. Dzis pi'ekno's'c tw'a w calei ozdolie
widz'e i opisuj'e, bo t'eszni'e po tobbie!***

Без этих натуральных корней нет настоящего патриотизма. Всякий знает, однако, что никогда в природе не бывает и того, чтобы цветы и плоды росли прямо из корней. Для расцвета и плодотворности патриотизма нужно ему подняться над своими утробными корнями в свет нравственного сознания. И этот подъем не дается даром и не добывается одною отвлеченною мыслью.

Требуется на опыте пережить новый жизненный разрыв.

Когда дух Мицкевича впервые поднялся над руинами мечтательного личного счастья, он беззаветно отдался дру Сказано оно было публично лишь впоследствии, но впечатление получено при первой встрече.

** Отчизна милая! Подобна ты здоровью;

Тот истинной к тебе исполнится любовью,
Кто потерял тебя. В страданьях и борьбе,

Отчизна милая, я плачу о тебе!

(*Пан Тадеуш", перев. Берга).

207

гим, более широким мечтам о счастье национальном. Польский Вертер, Густав, был спасен от самоубийства своим превращением в Конрада Валленрода {4}.

Идея здесь, при всей сложности сюжета, есть в сущности идея простого натурального патриотизма, который хочет только доставить своему народу во что бы то ни стало внешнее благополучие в виде политической независимости и торжества над врагом. Тут есть неправда формальная: во что бы то ни стало, - и неправда по содержанию: внешнее благополучие. Эта обманчивая мечта была разрушена для Мицкевича катастрофой 1830 года {5}. Порвалась вторая жизненная связь, и совершился второй духовный подъем.

Я вижу этот подъем в тех мыслях о значении и призвании Польши, которые Мицкевич высказывал на чужбине в книге польского народа и паломничества и в некоторых чтениях в College de France. Эти мысли, получившие потом большую определенность под влиянием Товянского, явились, однако, у Мицкевича раньше знакомства с этим мистиком {6}. Перерождение своего патриотизма наш поэт пережил сам. Я знаю, что не только русские, но и большинство поляков несогласны видеть в заграничной проповеди Мицкевича его духовный подъем и успех национальной идеи. Я не стану здесь, конечно, доказывать свою точку зрения. Для пояснения ее скажу только два слова. Важно не то, что кто-нибудь считает свой народ избранным, - это свойственно почти всем, - а важно то, в чем полагается избранничество. Не то важно, что Мицкевич объявил Польшу народом-мессией, а то, что он преклонился перед нею, как перед мессией не торжествующим, а страждущим, понял, что торжество не дается даром и не добывается одною внешнею силою, а требует тяжелой внутренней борьбы, должно быть выстрадано. То заблуждение, в которое при этом впал Мицкевич, было на деле безвредно: он думал, что польский народ своими страданиями искупает грехи других народов. Конечно, это не так. Разве польский народ не имеет своих собственных национальных и исторических

грехов? Насколько искупление других своим страданием вообще возможно, оно уже совершилось раз навсегда. А теперь всякий народ, как и всякий человек, страдает только за себя, и, конечно, не в диком и фантастическом смысле кары и отмщения, а в нравственном и реальном смысле неизбежного пути от худшего к лучшему, - к большей силе и полноте своего внутреннего достоинства. Раз даны низшие, несовершенные формы жизни и раз дана естественная привязанность людей и народов к этим формам, уже логически

208
необходимо, чтобы переход от них к лучшему и высшему сознанию совершался через тяжелые разрывы, борьбу и страдания. Как бы ни были различны исторические судьбы народов, но ясно, что путь внутреннего возвышения для всех один; и в новых воззрениях Мицкевича важно именно то, что он признал для своего народа этот нравственный путь, ведущий к высшей и всеобъемлющей цели через самоотречение, вместо прежнего валленродовского пути. Важен этот со времен еврейских пророков небывалый подъем национального сознания в область высшего нравственного порядка. Перед этим исчезает и то, что Мицкевич имел неверные или преувеличенные представления о фактах польской истории, и даже то, что он впоследствии спотыкался на им же указанном пути.

Но ему предстояло еще третье и, может быть, самое тяжелое испытание. Юноша всю правду и весь смысл жизни сосредоточивает в образе избранной женщины, которая должна ему дать личное счастье. Из крушения этой мечты юноша Мицкевич вынес вместе с расцветом своей дивной поэзии и то сознание, что правда личного счастья должна быть не началом, а концом жизненного пути, что полноте личного бытия нужно заслужить. Перед кем? Прежде всего перед другой избранницей, - перед отчизной. Созревши, Мицкевич ей посвящает все свои силы, и из ее несчастья и из разлуки с нею вместе с пленительным образом родного края (в "Пане Тадеуше") {7} выносит высшую национальную идею, - что внешнее благополучие народа должно быть добыто его нравственным подвигом. Откуда для него силы? Уже в своем детстве Мицкевич имел

предваряющий ответ:
Panno Swi'eta, co Jasnej bronisz Cz'estochowy
I w Ostr'ej swi'eciaz Bramie! Ty, co gr'od Zamkowy
Nowgr'odzki ochraniasz z jego wiernym ludem!
Jak mnie dziecko do zdrowia powroci'las cudem,
Gdy od placz'acej matki pod Twoja opiek'e
Ofiarowany martw'a podnios'lem powiek'e,
I zaraz moglem pieszo do Twych 'awi'aty'n progu
I's'c za wr'oczone zycie podzi'ekowa'c Bogu,
Tak nas powr'ocisz cudem na ojczyzny 'lono*.

* Мать Ченстоховская, на Ясной что Горе!
Как умирающий лежал я на одре,
Устами жаркими хвалу тебе читая,
И ты спасла меня, заступница святая,
Так благостынею божественных щедрот
Спасешь когда-нибудь отверженный народ.
("Пан Тадеуш", перед. Берга).

209
Как Мицкевич свое личное счастье подчинил счастью отчизны, так судьбу отчизны он и по чувству, и по сознанию подчинил религии, - третьей, сверхличной и сверхнародной избраннице. Но и тут Мицкевича ждала еще, на пороге старости, великая внутренняя борьба. Ведь была правда в его юной жажде счастья и любви личной, но ему пришлось сказать себе, что правда не может зависеть от того, предпочтет ли Мариля Верещак его, Адама, господину Путткаммеру или не предпочтет; он должен был понять, что смысл личной жизни не может существовать сам по себе, как случайность, а должен быть связан с самою всеобщей правдой, чтобы освободиться в ней ото всякой случайности. Пусть затем эта правда воплощается в избраннице иного порядка - в отчизне, но ведь не отчизна есть источник и мерило правды, а сама правда есть норма и для отчизны, - какую она должна быть, - и не мог истинный патриотизм при всей благочестивой памяти прошлого не отметить в нем того, что требовало исторического чистилища. Мицкевич понял, что носительницей высшей правды в мире не могла быть Польша XVIII века в ее политическую неправду анархии и с ее социальной неправдой жестокого порабощения низших классов. И через народную жизнь должен непрерывно проходить острый меч, разделяющий между добром и злом, правдой и неправдой, и здесь должно без устали отбрасывать случайное, преходящее, недолжное. На чем же утолится наша жажда полного доверия, беззаветной преданности, окончательного успокоения? Не на ней ли, на третьей избраннице, родной и сверхнародной, исторической и сверхисторической, вселенской церкви? Но хорошо ли с нашей стороны смотреть

на нее только как на успокоение, - этой избраннице приносить одну лень уму и воли, усыпление совести, и на таком плохом даре основывать наше соединение с нею? И разве она в самом деле примет от нас этот дар? На что он ей? Не примут ли его под ее именем другие, которые имеют интерес в том, чтобы атрофировался наш разум и оглохла наша совесть? Нет, никогда не будет и не должно быть успокоения человеческому духу в этом мире. Нет, не может и не должно быть такого авторитета, который заменил бы наш разум и совесть и сделал бы ненужным свободное исследование. Церковь, как и отчизна, как и библейская "жена юности", должна быть для нас внутреннею силою неустанного движения к вечной цели, а не подушкою успокоения. Я не укоряю устающих и отстающих, но, понимая

210

великого человека, приходится напомнить и то, что духовная усталость не есть признак великих людей.

Не забудем при том, что умственная усталость и отсталость имеют две формы, которые стоят одна другой: успокоение на слепой преданности какому-нибудь внешнему авторитету, с одной стороны, а с другой - успокоение на пустом и легком отрицании. Одни, чтобы не утруждать своего ума и воли, довольствуются патентованною истинною карманного формата и домашнего приготовления, а другие, в тех же видах духовного комфорта, заранее отрицают, как нелепый вымысел, всякую задачу, которая для них не сразу понятна и легка. И те, и другие - и люди ленивого доверия, и люди ленивого неверия - имеют общего смертельного врага в том, что они называют мистицизмом. И Мицкевич с обеих сторон подвергся осуждению как мистик, особенно по поводу движения, возбужденного среди польской эмиграции Андреем Товянским. Насколько это движение мне известно, здесь рядом с некоторыми второстепенными заблуждениями (как, напр., культ Наполеона) были некоторые первостепенные истины, имевшие право существования в христианском мире, и прежде всего истина продолжающегося внутреннего роста христианства. Если мир стоит столько веков после Христа, значит, делается что-то, готовится в нем желательное для нашего спасения; и принимать участие в этом делании есть наша обязанность, если только христианство действительно есть богочеловеческая религия.

Религиозный кризис, пережитый Мицкевичем на пороге старости, не был для него разрывом с самою церковью, как и прежде его патриотический кризис не был разрывом с самою отчизною и как еще раньше его любовное крушение не уничтожило в нем личной жизни сердца. Мицкевич разошелся не с церковью, а только с маловерием иных церковных людей, которые хотели видеть в христианстве лишь основанное на предании прошлого правило житейского обихода, а не жизненное и движущее начало всей будущности человечества. Внешнему авторитету церкви Мицкевич противопоставлял не себя, а обязательный и для церкви принцип общего духовного права: *est Deus in nobis* - есть бог в нас, - и не видно, чтобы Мицкевич когда-нибудь отступил от того религиозного настроения, которое выражено в одном письме, где он, отказываясь от титула учителя, говорит так: "Не верьте слепо ни одному из людей и мое каждое слово судите, потому что сегодня я могу говорить правду, а завтра ложь, сегодня действовать хорошо, а зав

211

тра - дурно". Всякому внешнему авторитету он противопоставлял только безусловную правду Божию, о которой свидетельствует совесть.

Истинно был он великим человеком и мог смотреть на жизнь с высоты, потому что жизнь возвышала его. Тяжкие испытания не подавили, не ослабили и не опустошили его душу. Из крушения личного счастья он не вышел разочарованным мизантропом и пессимистом; крушение счастья национального не превратило его в равнодушного космополита; и борьба за внутреннее религиозное убеждение против внешнего авторитета не сделала его врагом церкви. Он велик тем, что, подымаясь на новые ступени нравственной высоты, он нес на ту же высоту с собою не гордое и пустое отрицание, а любовь к тому, над чем возвышался.

212

КОММЕНТАРИИ. МИЦКЕВИЧ

Впервые напечатана в журнале "Мир искусства", 1899, No 5, с. 27-30. Соловьев хорошо знал творчество поэта, о котором в 1875 г. писал Цертелеву: "В виде отдыха читаю по-польски Мицкевича, в которого я совершенно влюбился" (Письма, 2, 227). Одно из стихотворений поэта было переведено Соловьевым ("На мотив из Мицкевича", 1885). Мицкевич, поэт и религиозный мыслитель, идеально соответствовал соловьевским представлениям о гармоничном сочетании человека-творца с началами христианской нравственности.

{1} Неточная цитата из стихотворения "Он между нами жил..." (1834). у Пушкина:

"...он вдохновен был свыше

Соловьев В. Мицкевич filosoff.org

И свысока взирал на жизнь".

{2} Мицкевич родился 24 декабря 1798 г. В России столетний юбилей поэта отмечался очень скромно.

{3} Начальные строки стихотворения Фета "Только в мире и есть, что тенистый..." (1883).

{4} Густав – герой поэмы Мицкевича "Дзяды" (1823), несчастный влюбленный. Конрад Валленрод, литовский патриот, вступивший в ненавистный ему тевтонский орден, чтобы изнутри погубить его, – герой одноименной поэмы, вышедшей в 1828 г. Соловьев несколько искусственно отождествляет поэта и его героев.

{5} Речь идет о поражении польского национально-освободительного движения 1830-1831 гг.

{6} В "книге польского народа и паломничества" (1832) изложены религиозно-исторические взгляды Мицкевича, его понимание польского народа как главного выразителя христианской идеи. В лекциях о славянских литературах, которые он читал в Париже в 1840-1844 гг., Мицкевич также касался идеи польского мессианизма, увлечение которой заметно усилилось после знакомства в 1841 г. с мистиком и философом Товянским.

{7} Поэма "Пан Тадеуш" (1834) рисовала картины старопольского быта.

401

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!